

Op. 84
D-15

Владимир Иванович Даль

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

чем она не хороша? Бумажка, как и всякая другая, и покойница, конечно, приняла ее в полной цене, чему я не виновата. И не долго думав, она решила не только, что именно эту бумажку и должно послать двоюродной тетке Марьи Ивановны, по завещанию, но даже, что этого с нее будет, и что 50 рублей сумма весьма приличная. И бумажка даже не моя, подумала она еще, оправдываясь глаз на глаз сама перед собою, а истинное наследство, по завещанию; своих денег я ей посылать не обязана.

Договаривать ли еще, что пошевелилось в душе этой стотысячной наследницы, томившейся над мыслью, что придется послать тысячу рублей, решившей после долгой борьбы, что и ста рублей, для успокоения совести, будет достаточно, убавившей и эту приличную сумму наполовину, и наконец, заменившей и половину подложными и негодными деньгами? А вот что: отсылая, наконец, эти названные 50 рублей, ни ей самой, ни другому непригодные, она, однако же, и об них пожалела! Ну, быть так, подумала она, все-таки две беды сбыла разом: и с завещанием развязалась, и худые деньги сбыла — на совести полегчает!

V

ДОМИК НА ВОДЯНОЙ УЛИЦЕ

В опрятном, новом городке Елизаветинских времен, перенесенном трижды с места на место, в переулке Водяной улицы стоял сильно развалившийся домишко; половина крыши упала на подволоку, долгое время торчали со стены подгнившие стропила и, наконец, пошли на дрова; труба торчит высоко, и будто другая половина крыши об нее уперлась и ею держится; домик сильно перекосило, он одним углом ушел в землю; наружных дверей или затвора при них не было вовсе, а за место крыльца подставлен был под порог старый ящик; огородки, забора никаких, один заглохший пустырь, а два столба служили представителями ворот. Но когда проходящий с удивлением взглядывал на окна, не чая, чтобы хижина эта могла быть

жилою, то он встречал уютные окошечки, с оконницами радужных цветов, за коими сквозили белые занавесочки и цветы, хоть это и были только герань, капуцины и бальзамины. Раз десяток уже, в разные года, писался на этой черной избенке мелом, аршинными знаками, следующий за тем год, как крайний срок, до коего развалина эта могла быть терпима, и десять раз уже непогоде исподволь смывало эту роковую надпись, и все оставалось по-старому. — А что ж, батюшки, ломайте, — говорила тихая хозяйка, когда к ней приходила полиция с этою угрозою, — ломайте надо мною, я никуда не выйду, мне выйти некуда, только меня не убейте. — Да лачуга ваша скоро сама вся развалится и вас убьет, — говорили ей; но и на это был один ответ: — А уж это, батюшка, божья воля, с богом не поспоришь.

К развалинам этим местные жители давно привыкли и по временам заходили только в переулочек взглянуть на них, стоят ли еще сами стены. А в свое время жители вновь заложенного города и всей округности его: казаки, башкиры, татары, киргизы сходились дивиться на дом с пяти окнами, который казался им палатами. Закладка города началась глубоким окопом его, для защиты от внезапных набегов, и один только окоп этот удержал в свое время и Пугачева: разбойники берут распахом и на приступ не ходят. Итак, жители и полудикари сходились в былую пору дивиться на один из первых порядочных домиков новой крепости, с крылечком под резным навесцем и другими причудами и украшениями. Это было жилье капитана, правой руки коменданта, некогда одного из чудо-богатырей Суворова; у него все делалось мигом, как в сказке у Ивана-царевича, и мигом у него домик поспел, куда приютить надо было молодую жену, которая жила дотоле в стоявшей невдалеке киргизской кибитке. Но он не дал повершить и покрыть своего дома, покуда не была завершена единая в округности сотен верст церковь. На робкое замечание жены, что ребенку, Аннушке, становится холодно в кибитке, что зима на дворе, а она, здесь, говорят, бывает суровая, кибитки горой заносит снегом, на это он отвечал

стихом псалма, громким, твердым, но теплым голосом: «Не взойду в шатер дома моего, доколе не найду места господу, жилища крепкому богу Иакова!»

И ударило клепало, и загудели колокола, раздался первый благовест над Яиком-рекой, звон которого местные народы не слыхивали и дивились ему, широко разинув рот. Звоном этим сказалась охрана господня над всею обширною страной, а сила русская вторила ему гулом пушек.

«Здравствуй трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русский город: век стоять тебе покровом и оплотом ширить могучие крылья свои!» — так проговорил капитан звучным голосом, перекрестясь и кланяясь на все четыре стороны. «Ну, матушка-сударыня, — сказал он, пришедши домой, — вот теперь черед и нашу крышу крыть». И это дело мигом у него поспело, и крыша, с резным гребнем, со шпильями на нем, с конями по концам конька, была таким же дивом для кочевых дикарей. Бьют скот за раскатами крепости, быков для русских, лошадей для башкир, баранов для киргизов, будет туй, пир про весь мир, капитанский дом светят. Капитанша с утра нарядилась в шелковое фуру, установив прическу в пол-аршина, убрала голову шелковым белым флером с серебряными мушками — и снует хозяйюшкою по дому и постряпущей; в кибитке, супротив входа, на ковре, Иванушка, прозванный Скобушкою, любимый денщик капитана, присев на корточки, охорашивает Аннушку, доченьку его; он повязывает ей на шею жемчуги; подскочив на ноги и разводя руками, он вскрикивает: «Ну вот, теперь настоящая бригадирша! Вырастешь велика, право слово, за бригадира отдадим, а ниже ни ступени!» Девочка стрелой пустилась в новый дом.

Молебен с водосвятием кончился, полковой священник окропил весь дом, даже всходил с хозяином на крышу и, стоя там, на народном помосте, сказал: «Мир над домом сим!» Поклонясь ему в пояс, капитан тут же прибавил громко: «Храни его господь от огня и воды и всей силы вражеской — стой навек нерушимо!»

И простоял он с Елизаветинских времен до наших, как мы сами его видели и как выше описали. В это время жила в нем одинокая и беспризорная старушка, маленькая и худенькая, вот она, укутанная с головы до ног в старый драдедамовый бурый платок, тихо пробирается по забору к одной из подруг своего детства. Кто бы узнал в ней резвую красавицу, коей весь новенький Оренбург поклонялся, за которою ходил денщик Иванушка — один из храбрейших генералов наших, у которого, под конец службы его, из десяти пальцев на руках оставалось только три, ту самую Аннушку Комлеву, которой этот доблестный слуга пророчил бригадирство? И ничего не мог узнать об ней этот верный слуга и старый друг Комлевской семьи, хотя комендант Петропавловской Петербургской крепости, Иван Никитич Скобелев, и не один раз писал в те края запросы, не оставалось ли де кого в живых из семьи капитана И. М. Комлева, не была ли дочь его, Анна Ивановна, замужем, и нет ли в живых хоть внуков Комлева? Но отовсюду был один, принятый полицейскими письмоводителями ответ: «таковых на жительство не оказалось». Отзывы эти писались, и не читая даже сыскной статьи, а лишь бы отписаться, почему, между прочим, у нас и Людвига Наполеона на жительстве не оказалось: после разных неудач его и ухода из тюрьмы, разнесся слух, будто он хочет искать счастья или приюта в России; велено было дать знать в пограничные губернии, чтоб его не впускать, в числе пограничных считалась и Оренбургская, куда также дошел об этом циркуляр; губернские ведомости припечатали об этом на отдельном листке сыскную статью, которая воротилась из Троицка или Верхнеуральска с надписью на обороте: «онный Людвиг Наполеон на жительстве в сем уезде не оказался».

Анна Ивановна Комлева была еще подросточком, когда отец ее был услан далеко куда-то по службе и пропал без вести; мать зачахла с горя; к сиротке приехала на житье из Свияжска тетка матери, своеобразная, безграмотная старуха. «Тебе, матушка-сударыня Аннушка, не подстать знаться с какими-нибудь поповнами, — говаривала бабушка внучке, когда та, на пути с

нею в церковь, раскланивалась с соседками, — ты, сударыня, должна родителей своих почитать и помнить; батюшка твой, кабы жив был, чай, бы теперь уж и бригадиром был — значит, первым человеком в Оренбурге, и тебе бы здесь ровни не было; да и матушка твоя, царство ей небесное, не из мелкой сошки какой, а столбовая была, род наш в золотой книге писан, а книга эта в царевых покоях лежит, под алым бархатом». — И в подобных поучениях заключалось все умение бабушки воспитать внучку свою. К счастью, добрая природа Аннушки понимала наставления эти по-своему: страстно любя родителей своих, смышленная, остроглазенькая девочка все это относил к ним, а сама оставалась все тою же, каждое подобное слово вызывало в памяти ее облики отца и матери, коих она помнила, его — в шитом золотом мундире, отдающего громким голосом приказания, а ее — величавою женщиною в абрикосовом объяринном платье с долгим хвостом, в жемчугах и алмазах; девочка жадно слушала почет и хвалу отцу и матери, карие глазки ее разгорались, высоко подымалась головка ее, и в сердце не было ровни родителям ее. Так она росла и расцветала в простоте сердечной; бабушка приискивала ей в жизни ровню, чтобы не постыдить роду-племени, а время уходило, и когда старушка закрыла глаза, то большая часть имения была прожита, и Анна Ивановна, с верною служанкой своей, увидели себя в крайней бедности; тогда добрые люди вспомнили о пенсии, один чиновник взялся было хлопотать об ней, забрал все бумаги, какие нашлись, доехал до Казани и помер. Прошли годы и десятки лет, Анна Ивановна состарилась, обнищала вовсе, домишко обветшал, но сама она окрепла духом и умудрилась сердцем; она, в тяжелой доле своей, научилась искать утешения у Того, Кто призывает всех удрученных, и в совести ее развились и окрепли все житейские правила должного и недолжного. Всякое хорошо и худо сказывалось в сердце ее бессознательно, и, не умничая, следовала она этому голосу. Продав исподволь материнские жемчуги и алмазы — о коих, впрочем, было более славы, чем ценности в них — она жила, одному богу известно как; находились скромные дате-

ли, умевшие безбидно наделять нищую, которая никогда и ни у кого не просила. Выедет бывало, помещик на поля свои, поглядит на золотую пшеницу, коей колосья грузно колышались ветром — весело глядеть ему на это золотое море, тепло и радостно станет на душе. «Господи, — скажет он, перекрестясь, — двадцатую долю урожая отдаю на неимущую братью!» Позднеею осенью потянулись обозы с хлебом в город; смотришь, один воз отделился на Водяную улицу, заворачивает в переулок, и прямо на разгороженный двор, при записочке: не побрезгать домашним гостинцем от старой приятельницы; тут шлют и другие разные припасы, что могут сохраниться на зиму; а другой добрый человек, простой, необоротливый хозяин, которого имя и поныне носит подгородная роща, шлет запасец дров, и еще сам забежит украдкою на открытый двор, взглянуть, есть ли, полно, еще у Анны Ивановны топливо, и не растаскали ль его соседние татарчата. Затем, были у нее еще и козы, кои, не по местному обычаю, шатались зиму и лето по городу и слободке, не требовали корму, а на ночь приходили домой; они кормили хозяйку молоком и приносили ей свой пух, из которого старушка прилежно вязала ценные платки и косынки.

Но и в эту пору нужды и горя Анна Ивановна, по большим праздникам, являлась чинно и степенно в устроенную отцом ее и украшенную прикладами матери ее церковь; благовест раздался, она встала, за третьим ударом перекрестилась, вышла, осторожно ступала с порога на ящик, чтоб он не покачулся под ногами, а с него наземь — и вот она пошла мерным шагом, в голубом объяринном платье своей матери, которому уже за полвека, в коричневой, мелкотравчатой епанечке, с высоким и широким черепаховым гребнем, под белым шелковым флером, завязанным под бороду; все с уважением смотрят за нею вслед; она чинно раскланивается со знакомыми, степенно принимает приглашение на чай и, продолжая путь свой, набожно входит в церковь, где становится на колени перед матернею большою иконой и уже более не слышит и не видит ничего, до самого конца службы.

При выходе из церкви, один, потом другая, там третья, подходя к Анне Ивановне, с участием и осторожно стали спрашивать ее, можно ли поздравить ее, будто бы-де она получила какое-то наследство от двоюродной племянницы, из Казани. Старушка с достоинством дивилась такому слуху, уверяя, что ничего о том не знает, но, придя домой, встретила выбежавшую к ней на улицу радостную служанку, с почтовою повесткой на 50 рублей. Наследство небольшое, но при этой нищенской бедности оно показалось Анне Ивановне громадным богатством. Вскоре избушка наполнилась доброжелательными поздравителями, и старушка, став разговорчивее, беседовала о нужде своей, о неожиданном пособии и о том, как она вычинит провалившуюся крышу свою и промстит к зиме всю лачужку, советуясь о возможности выжеровать ушедший в землю угол и повыпрямить перекошенный пол.

Молва об огромном наследстве Комлевой, которая разнеслась, как все новости и вести, с почты, все еще кружила по городу в разных видах, когда уже в лачуге этой богатой наследницы делалось совсем иное: там опять было несколько близких ей людей, пришедших порадоваться неожиданному счастью и сидевших, повеся нос, в недоумении, что говорить и советовать хозяйке, и чем ее утешать. Бумажка оказалась негодною; это была та же самая серенькая, которая стряпалась под проклятием бабушки, ушедшей скитаться по миру из родной избы, та же самая, которая досталась было дячихе, и, отданная за полцены, дошла воровски до Марьи Ивановны, в Казань, а теперь, через племянницу ее, как приличная сумма, досталась бедной Комлевой.

Поздно вечером, при нагорелой свече, Анна Ивановна сидит задумавшись со злыдарною бумажкой в руке; не послушалась она совета попытаться спустить ее за полцены, и также сама рассудила, что писать об этом в Казань будет напрасно: кто докажет, эта ли бумажка вложена была в обертку, или ее подменили тут или там на почте, или наконец у нее в руках? Сколько людей тут попадет в допрос, а может быть и хуже того, коли

дело пойдет по суду, — пусть же злое дело потонет навеки; жила я доселе без этих денег, проживу и впредь. Бог не оставит.

В сумрачной избушке вдруг вспыхнуло яркое пламя, и зарево слегка осветило улицу сквозь широкие щели ветхих ставень; человек, стоявший у ворот насупротив, подошел взглянуть, не загорелось ли что у Анны Ивановны, но убедившись, что там все тихо и спокойно, побрел опять на свой двор. Ржавые съемцы погасили огарок, три земные поклона закончили день этот; все затихло в лачужке, и горе-горькая обиходная жизнь водворилась в ней по старому порядку — хотя уже ненадолго: елей догорал.

VI

РАЗВЯЗКА

В тюремной больнице метался на кровати горячечный и все лез на пол, для прохлады; при нем сидел сердобольный товарищ, уговаривая и удерживая его.

— Баушка, родимая, — бредил больной, — стой, баушка, ты не надевай сумы, не кляни ты меня, грешно, ох, тяжело, глиной завалили меня, душат все, огнем палят, это злодей мой, цеховой, вишь, вон он, вон опять жару в поле принес... Баушка, по локоть обе руки себе отрублю... — И рванулся опять с кровати.

— Ты лежи, лежи, — уговаривал его другой, — лежи, читай богородицу: легче станет; божья воля, надо терпеть; что я, что ты, — понапрасну сидим, да что делать? Тебя подвели недобрые люди, подсунули окаянную бумажку, и надо мною тот же грех случился. Делать! Кто ее сделает, как ее сделаешь? Отвечать мы с тобой богу будем, ты не бось: он разберет все, до ниточки; а тут, стало быть, надо умирать нам в нужде, в муках...

— Глиной задушили меня, огнем тот палит, — продолжал в бреду первый, болезненно скорчив лицо и порываясь вывернуться: — ты вздохни, вздохни, баушка, тяготу с меня, сыми, ну... в церковь? Пойдем, и меня возьми с собой, я ведь Мишутка твой, знаешь?.. Под глиной-то ворохнуться нельзя, задушило...

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей.....	6
Оренбургские мотивы в творчестве В. И. Даля.....	9
Европа и Азия.....	17
Чужачество.....	24
О котах и о козле.....	28
Об очках.....	31
Из «Солдатских досугов».....	33
О Георгии храбром и о волке.....	39
Сказка о прекрасной царевне Милонеге-Белоручке по прозванию Васильковый глазок, и о трёхстах тридцати трёх затыжных волокитах и поклонниках её.....	50
О Строевой дочери и о коровушке Бурёнушке.....	71
О воре и бурой корове.....	79
О баранах.....	87
Серенькая.....	92
Охота на волков.....	112

Обмиранье.....	128
Полуночник (<i>Уральское предание</i>).....	147
Уральский казак.....	158
Рассказ Верхолонцова о Пугачёве.....	175
Осколок льду.....	183
Башкирская русалка.....	192
Бикей и Мауляна.....	213
Майна.....	290
Гофманская капля.....	338
Примечания.....	403

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66